

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОЛЯКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ

В В Е Д Е Н И Е *).

Изложеніе этнографическихъ чертъ польского населенія Юго-Западнаго края представляетъ собою трудную и щекотливую задачу. Польское общество здѣсь состоитъ почти исключительно изъ лицъ привилегированнаго сословія и, слѣдовательно, представляетъ интеллигентную часть населенія,—а очертить этнографически интеллигентное общество—гораздо труднѣе, чѣмъ народную массу.

Общество это, скомпрометированное недавнимъ политическимъ движениемъ направленнымъ къ отторженію древней русской области отъ Русскаго государства,—находится въ ложномъ положеніи. Малорусское населеніе края относится къ нему враждебно, чemu нечего удивляться: исторія, національность и религія раздѣляютъ это интеллигентное меньшинство отъ массы русскаго крестьянства.

Возстаніе, стремившееся къ возстановленію Речи Посполитой до Днѣпра, не могло не вооружить противъ себя русскаго общественнаго мнѣнія. Кромѣ сепаратизма, здѣсь проглядывало и другое несимпатичное явленіе: возстаніе разразилось тогда, когда русское правительство освобождало съ землей крестьянъ, когда оно приготовляло цѣлый рядъ другихъ великихъ реформъ.

Послѣднее возстаніе сдѣлало для Россіи польскій вопросъ вопросомъ народнымъ. Россія сознала свою ошибку по отношенію къ Западно-Русскому краю, въ которомъ (какъ мы указываемъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ ополя-

*). Для составленія этнографического очерка быта поляковъ здѣшняго края, я пригласилъ къ совмѣстнымъ занятіямъ члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, К. П. Михальчука, постоянно жившаго и воспитывавшагося среди польского общества; и потому весьма близко знакомаго съ міровоззрѣніемъ и бытомъ этого общества. Въ составленномъ, такимъ образомъ, нами этнографическомъ очеркѣ значительно большая доля участія принадлежитъ г. Михальчуку, такъ какъ мое личное знакомство съ польскимъ обществомъ было менѣе продолжительно. Мои наблюденія, во время изслѣдованія края, совпадали съ выводами и положеніями, вынесенными г. Михальчукомъ изъ жизни среди польского общества и изученія его; поэтому мы съ нимъ предприняли совмѣстный трудъ.

чиванія края) все польское пользовалось привилегієй, офиціально признавалось и поддерживалось.

Это сознаніе привело къ законному стремленію оградить интересы русского православного населенія и положить конецъ польско-католической пропагандѣ.

Этнографъ, на долю которого выпадаетъ представить изображеніе польского общества въ Юго-Западномъ краѣ, поставленъ, какъ мы сказали, въ трудное и щекотливое положеніе. Исключительность положенія здѣшняго польского общества, какъ по историческимъ традиціямъ, такъ и по національной и религіозной отдѣльности отъ массы населенія, не могла не отразиться на общемъ строѣ жизни этого общества. Изображеніе этихъ чертъ, обязательное для этнографа, конечно не можетъ носить на себѣ свѣтлаго колорита. И это—не наша вина: мы излагаемъ то, что видимъ.

Мы сочли долгомъ коснуться польского вопроса въ здѣшнемъ краѣ, по его важности. Мы думаемъ, что теперь можно говорить о немъ безъ раздраженія, основываясь на дѣйствительныхъ фактахъ. Мы желали остаться на объективной почвѣ: наша цѣль—посильно содѣйствовать уясненію польского вопроса. Мы бы желали, чтобы поляки отнеслись къ нашему труду безъ раздраженія и злословія: пора и имъ критически отнести къ себѣ, тѣмъ болѣе, что имъ именно и не достаетъ этого спокойнаго анализа своего быта и міровоззрѣнія.

Съ другой стороны считаемъ необходимымъ оговорить, что мы пишемъ характеристику поляковъ Западнаго края, а не характеристику польского народа, живущаго за предѣлами Западнаго края, котораго мы мало знаемъ. Въ нашемъ краѣ мы имѣемъ дѣло съ немногочисленнымъ польскимъ обществомъ; за Венремъ же и панъ, и горожанинъ, и крестьянинъ солидарны и по національности, и по религії.

Не намъ судить—на сколько мы остались вѣрны идеѣ нравственной справедливости; но мы относились къ предмету изслѣдованія со всею искренностью и добросовѣстностію. Намъ приходилось, большую частію, намѣщать рѣзкія, мрачныя черты предпринятой характеристики, такъ какъ онѣ, къ несчастію, рѣжутъ глаза на всякомъ шагу, сильно выступаютъ въ исторіи здѣшняго польского общества, кладутъ особенный отпечатокъ на его нравственную физіономію въ результатахъ оказываются болѣе вредными для самихъ поляковъ, чѣмъ для кого бы то ни было. Но, выставляя ихъ на показъ, мы не имѣли въ душѣ ни малѣйшей тѣни злорадства, а скорѣе горькія ощущенія. Если бы мы тоже самое писали по-польски, наши обличенія были бы еще рѣзче, еще мрачнѣе въ своихъ подробностяхъ. У насъ не было бы тогда и той понятной сдержанности, какая невольно сквозитъ въ иѣкоторыхъ щекотливыхъ мѣстахъ

нашей статьи, и мы увѣрены, что тогда бы отнеслись къ нашему изслѣдованию сочувственно и всѣ лучшіе передовые умы современаго польскаго общества. Нашъ, между прочимъ, удостовѣряеть въ этомъ и тотъ умственный и нравственный переломъ, какой замѣчается теперь въ средѣ интеллигентной польской молодежи, и тотъ страстный порывъ протеста противъ общественнаго застоя, какой началъ выражаться, два года тому назадъ, въ польской печати и имѣлъ сначала органомъ своимъ львовскаго „Słowianina“, а теперь имѣетъ двѣ варшавскія газеты: „Przegląd Tygodniowy“ и „Niwa“, изъ коихъ — первая въ теченіи года успѣла пріобрѣсть уже около 3,000 подписчиковъ, а вторая, только что появившись, навлекла уже на себя проклятие со стороны клерикаловъ и ретроградовъ.

Впрочемъ, мы не хлопотали о популярности, а заботились о добросовѣстномъ исполненіи этого небольшаго труда, зная напередъ, что только прямое раскрытие истины, безъ всякихъ предвзятыхъ комбинацій и цѣлей, поможетъ уясненію и решенію такихъ животрепещущихъ задачъ, какимъ представляется теперь польскій вопросъ здѣшняго края.

Нашъ этнографическій очеркъ преимущественно и предназначается для этого, хотя онъ собою привнесетъ и незначительный вкладъ въ общій итогъ тѣхъ свѣдѣній, какія желательно было бы имѣть по этому важному предмету.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОПОЛЯЧЕНІЯ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

До Люблинской унії (1569 г.), высшее сословіе Юго-Западного края было не только православнымъ, но и ратующимъ за интересы православія и русской народности.

Затѣмъ, послѣ этой унії, сблизившей шляхту Юго-Западного края со шляхтой коренною польскою, не вдругъ началось ополячиваніе и окатоличиваніе.

Конечно, польская культура не могла не оказывать вліянія на нравы пановъ здѣшняго края; но они все еще отстаивали свою народность. Польское правительство въ отношеніи ихъ не прибѣгало къ рѣшительнымъ мѣрамъ, даже послѣ религіозной унії 1596 года. Правительство польское старалось привлечь высшіе классы посредствомъ чиновъ, должностей, староствъ и прочихъ заманчивыхъ вещей, раздаваемымъ исключительно ренегатамъ.

Константина Острожскаго не только давалъ ходъ полемикѣ противъ унії, не только поддерживалъ русскую народность посредствомъ школъ, братствъ, заведенія типографій; но даже посыпалъ дружины подъ предводительствомъ Волынского шляхтича Наливайки противъ русскихъ дворянъ, отступившихъ отъ православія. Самая дружина Наливайки состояла почти вся исключительно изъ православной шляхты.

Ополоченіе пошло быстрыми шагами въ эпоху войнъ Хмельницкаго, а въ особенности — съ воцареніемъ въ Польшѣ Яна Казимира, въ 1649 году.

Козацкія возстанія были не только направлены къ защитѣ православія и народности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противъ панства, стремившагося закрѣпостить народъ. Понятно, что русская шляхта увидѣла въ козацкомъ движеніи уже не защиту только вѣры и народности, а посягательство на ея соціальныя и экономическія привилегіи. Ей оставалось только идти за одно съ коренною шляхтой Речи Посполитой, а идти съ нею заодно можно

было только подъ условіемъ ополяченія и перехода въ католицизмъ или унію; тѣмъ болѣе, что только при этомъ возможно было покровительство польского правительства.

„Король Янъ Казиміръ“, говоритъ М. В. Юзефовичъ *), „при самомъ вступленіи на престолъ, даъ торжественную присягу не предоставлять ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного старства не-католикамъ. Ту же присягу повторяли и слѣдующіе короли. Послѣ этого перваго рѣшительного шага, стали возникать противъ русской церкви и народности, одно за другимъ, притѣснительныя правительственные распоряженія, которые дошли наконецъ до того, что однимъ изъ нихъ запрещалось канцлерамъ прикладывать государственную печать ко всяkimъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только эти акты, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что либо выгодное для лицъ не-католического вѣроисповѣданія, т. е. все православное населеніе объявлялось вѣнъ закона; а другимъ постановлялось, что церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою ни какимъ образомъ другихъ вѣроисповѣданій, послѣдователи которыхъ, въ правахъ своихъ, сравнивались съ правами евреевъ и духовенству которыхъ формально запрещалось ходить по улицамъ со святыми дарами; крещеніе, бракъ и похороны предоставлялось совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія ксендзовъ за установленную плату; публичные похороны воспрещались иновѣрцамъ вовсе, а разрѣшались не иначе, какъ ночью; на церквяхъ упразднялись колокола, а канонические законы католиковъ объявлялись обязательными и для иновѣрцевъ“.

Присоединеніе при Богданѣ Хмельницкомъ Малороссіи къ Россіи не спасло Юго-Западной Руси, такъ какъ она, по Андрусовскому договору, была возвращена Польшѣ. Тогда-то начались всѣ ужасы закрѣпощенія народа и насильственнаго введенія унії.

Козачество, представлявшее собою защитниковъ православія, народности и постоянный протестъ противъ закрѣпощенія рода, уничтожено на правомъ берегу Днѣпра въ началѣ XVIII столѣтія.

Народъ протестовалъ противъ закрѣпощенія сперва побѣгами, а потомъ гайдамачиной.

Чтобы привлечь въ опустѣвшія имѣнія крестьянъ, приходилось прѣбывать къ различнымъ льготамъ, звать на слободы. Но, конечно, все населеніе не могло убѣжать, и потому ему приходилось переносить иго закрѣпощенія и религіозное преслѣдованіе.

*) „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ Юго-Западной Россіи“, см. „Архивъ Юго-Западной Россіи“, издаваемый Киевскою Археографической Комміссіею, часть 4, томъ I.

Гайдамачина 1768 года представила собою грозный протестъ народа противъ шляхетства и евреевъ; но это народное движение было подавлено, при помощи русскихъ войскъ, и затѣмъ дѣло пошло по-старому.

Въ 1792 году Юго-Западный край былъ присоединенъ къ Россіи, и тогда-то совершилось два события: ополяченіе и окатоличеніе остатковъ православнаго дворянства и упроченіе крѣпостнаго права. О первомъ М. В. Юзефовичъ въ вышеупомянутой статьѣ говорить слѣдующее: „Есть драгоценное свидѣтельство, что въ концѣ XVIII вѣка, наканунѣ паденія Польши, подъ ея господствомъ еще существовало русское православное дворянство: въ прибавленіи къ трактату, заключенному Россіею съ Польшею въ 1775 году, говорится, что шляхетскіе православные роды должны пользоваться всѣми правами наравнѣ съ дворянами католическими. Надо полагать, что такихъ родовъ было еще достаточно, если русское правительство нашло нужнымъ обратить на нихъ свою заботу. Нѣть сомнѣнія, что національная политика Екатерины Великой оберегла бы эти остатки, какъ добрый запасъ для обратного обрусѣнія возвращенного Россіи края, но известно, что, по кончинѣ мудрой государыни, ея политика по польскому вопросу испытала крутой поворотъ и уступила мѣсто формальному официальному признанію польской національности въ нашихъ западныхъ областяхъ, послѣ чего этимъ остаткамъ ничего не предстояло болѣе, какъ подчиниться началамъ, признаннымъ законно-господствующими верховною властію самой Россіи. Такимъ образомъ, окончательное окатоличиваніе и ополячиваніе высшаго сословія въ нашихъ западныхъ областяхъ совершилось подъ русскимъ уже правительствомъ въ промежутокъ времени отъ кончины императрицы Екатерины до восшествія на престолъ императора Николая. Изъ здѣшняго туземнаго православнаго дворянства уцѣлѣла до настоящаго времени только такъ называемая околичная шляхта, благодаря своему родовому быту, а можетъ быть и тому обстоятельству, что заносчивое и восторжествовавшее польское панство не удостоивало вниманія людей, мало отличающихся по своему общественному положенію и быту отъ простаго земледѣльческаго класса“.

Что касается до упроченія крѣпостнаго права въ Юго-Западномъ краѣ, то В. Б. Антоновичъ, въ изслѣдованіи „О крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1799 годовъ“ говоритъ слѣдующее: „Въ 1792 году южно-русскій край былъ возвращенъ Россіи и шляхетскій порядокъ долженъ былъ уложиться въ новыя формы юридического и общественного строя. Въ первое время казалось, что формы эти были не только враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, къ которымъ стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени подготовляли его осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Речи

Посполитой до „права мечи“, но за то экономическое ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацию и на прочную власть, которую въ Россіи оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Речи Посполитой. Хитрость и уловки въ отношеніи къ крестьянамъ сдѣлались лишни—явились средства удержать ихъ отъ побѣговъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и преміямъ, какъ было прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ (съ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данная ими дарственныя записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права на поземельную собственность утверждались болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нѣредко къ перегону жителей цѣлыми селами и мѣстечками на новыя мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее“. Далѣе говорить г. Антоновичъ: „Шляхта, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, наконецъ сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полнаго торжества“.

По присоединеніи Западнаго края къ Россіи, изобрѣтенная іезуитами унія, какъ насильно введенная и непривившаяся къ народу, пала.

Что касается до образованія, то до 30-хъ годовъ оно было чисто польское. Здѣсь считаемъ нужнымъ привести историческія данныя о ходѣ образованія въ здѣшнемъ краѣ.

Болѣе широкое образованіе начало распространяться въ Юго-Западномъ краѣ въ землѣ Киевской, съ учрежденіемъ духовной академіи, при братскомъ монастырѣ, а на Волыни первыя школы обязаны своимъ основаніемъ борцу за православіе кн. Константина Острожскому; онъ основалъ первую высшую школу въ 1595 году, ректоромъ которой былъ Смотрицкій.

Замѣчательно, что въ началѣ XVI и XVII столѣтіяхъ кальвинисты (Лещинскіе, Фирлеи, Радивилы), социніане (кн. Пронскіе, Немиричи, Синюты, Чаплицкіе, Горскіе и др.) заботились также объ учрежденіи школъ и соборовъ. Главная школа социніанъ была въ Киселинѣ съ 1640 г.; первый ея ректоръ—Евстафій Кисель. Кальвинисты и Моравскіе братья имѣли семинарію въ Острогѣ. Впрочемъ, протестантскія школы пали въ первой половинѣ XVII вѣка, и протестанты посыпали дѣтей въ Раковъ, Любартовъ и Торунь. Уже въ это время нѣкоторые шляхтичи посыпали своихъ дѣтей для воспитанія къ іезуитамъ въ Польшу и за границу.

Около 1612 г. является въ Луцкѣ первая іезуитская коллегія.

Въ 1624 году Анна Ходкевичъ, дочь Александра Острожскаго, основы-

ваетъ другую коллегію и конвиктъ для шляхты въ Острогѣ. Іезуитамъ предоставлялось подчинить пизнія школы, въ округѣ находящіяся.

Въ первой половинѣ XVII вѣка Александръ Елецъ основалъ іезуїтскую коллегію въ Кіевскомъ воеводствѣ, въ Полѣскомъ мѣстечкѣ Ксаверовкѣ; по-томъ коллегія эта была перенесена въ Овручъ. Въ 1720 году возникла іезуїтская резиденція въ Кременцѣ съ двумя конвиктами; 1724 года въ Житомирѣ открыты іезуїтская міссія со школами.

Нѣкоторое преобразованіе къ лучшему внесли оппозиціонные іезуитамъ Шары, но имъ удалось открыть только двѣ школы: въ Домбровицѣ 1695 и въ Межирѣчѣ въ 1702 году; послѣдняя школа пользовалась особленною популярностію.

Духовныя католическія семинаріи существовали въ Олыкѣ, Житомирѣ, Яновѣ, Тикоцинѣ и Венгровѣ.

Главнѣйшія элементарныя школы на Волыни въ это время были въ Дубнѣ, Ровнѣ, Турійскѣ, Овручѣ и Заславлѣ.

По уничтоженіи въ 1773 году папою Климентомъ XIV ордена іезуїтовъ, сеймъ 1775 г. обратилъ ихъ фундуші на дѣло образованія, а въ томъ же году учреждена такъ называемая єдукаціонная комиссія, вѣдѣнію которой поручено общественное образованіе. Єдукаціонная комиссія основала школы: въ Кременцѣ, въ бывшемъ іезуїтскомъ зданіи, въ Олыкѣ, Луцкѣ, Овручѣ и Житомирѣ.

Въ это время самыми популярными школами были — школы Базиліанъ. Главнѣйшая изъ нихъ была въ Любарѣ, шестиклассная; затѣмъ были школы ихъ въ Острогѣ и Владимірѣ-Волынскѣ. Была также замѣчательная элементарная школа Тринитаріевъ въ м. Берестечкѣ. Дѣятельность єдукаціонной комиссіи продолжалась до 1796 года.

Послѣ раздѣленія Польши, всѣ по-іезуїтскія имѣнія и капиталы были взяты въ казну, и только указомъ Александра I, отъ 21 декабря 1807 г., они отданы на дѣло образованія въ губерніяхъ Юго-Западного края. Юго-Западный край вошелъ въ составъ Віленского учебнаго округа, попечителемъ коего былъ назначенъ Адамъ Чорторыйскій. Завѣдываніе учебными заведеніями Юго-Западного края поручено было Чацкому.

По ликвидациіи фундушей, въ 1813 году капиталъ, назначенный для образованія, простидался до 1.000,000 руб. серебромъ.

Чацкимъ основана была въ 1805 г. Кременецкая гімназія, преобразовавшаяся впослѣдствіи въ лицей.

Въ 1807 году въ Кременцѣ же были основаны таксаторская школа и механическое училище.

Въ это время съ Кременецкимъ лицеемъ соперничала Шарская школа

въ Межирѣчї. Тогда же въ рукахъ духовенства находилась школа Тринитаріевъ въ Теофилполѣ. Затѣмъ возникаютъ свѣтскія школы въ Житомирѣ, Луцкѣ и Клеванѣ. Въ это же время измѣнена въ шестиклассную гимназію давняя Кармелитская школа въ Бердичевѣ.

Со вторичнымъ появленіемъ іезуитовъ на Волынѣ, въ Романовѣ, 1814 г., возникаетъ ихъ школа, просуществовавшая шесть лѣтъ.

Чацкій былъ основателемъ 126 народныхъ школъ въ трехъ губерніяхъ Юго-Западнаго края. Основаны были также пансионы для женщинъ въ Кременцѣ, Межирѣчї, Бердичевѣ, Романовѣ, Каменецѣ-Подольскѣ, Винницѣ, Немировѣ и другихъ мѣстахъ.

Что касается Подольской губерніи, то и тамъ были іезуитскія школы и коллегіи, въ Каменецѣ-Подольскѣ и Барѣ. Послѣдняя въ 1781 году перешла къ Базиліянамъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ числѣ важнѣйшихъ училищъ можно назвать Винницкое, Каменецѣ-Подольское, Межибужское, Барское и Немировское.

Въ Київській губернії кромѣ упомянутаго кармелитскаго Бердичевскаго училища, были училища Базиліянъ: въ Каневѣ, Умани и другихъ мѣстахъ.

Эти краткія даннія указываютъ, что высшія сословія не могли избѣжать ополяченія и окатоличенія, путемъ школьнаго образованія, находившагося до нынѣшняго столѣтія въ рукахъ католическаго духовенства, а затѣмъ перешедшаго въ руки польскихъ патріотовъ. Не удивительно, что при посредствѣ образованія могли терять народность и лица средняго сословія и мелкой шляхты. Такой порядокъ вещей продолжался до 1832 года, когда въ учебныхъ заведеніяхъ введенъ былъ русскій языкъ въ преподаваніе, введена общая для всей Россійской Имперіи программа преподаванія и католическое духовенство устранино отъ завѣдыванія школами.

Вскорѣ Кременецкій лицей перенесенъ въ Київъ и упраздненъ, а въ Київъ открытъ въ 1834 году университетъ Св. Владимира, вмѣсто упраздненнаго Віленскаго.

Такъ поздно явился въ Юго-Западномъ краѣ разсадникъ высшаго русскаго образованія!

Такое господство польского элемента въ Западномъ краѣ привело къ тому, что польскій языкъ сдѣлался не только офиціальнымъ языкомъ, но даже получилъ право гражданства въ средѣ единственнаго въ краѣ интеллигентнаго русскаго сословія — у православнаго духовенства на Волыни и Подолії. Говорить въ такихъ семействахъ по-польски — считалось требованіемъ приличій.

О дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ въ краѣ и ихъ послѣдствіяхъ, мы при-

ведемъ превосходную характеристику г. Воронина изъ его замѣчательной рукописи *), имѣющейся у насъ подъ рукою: „Послѣдовавшее въ 1830 году восстаніе Польши, встрѣтившее горячее сочувствіе въ здѣшнемъ польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ, показало всю непослѣдовательность и опасность нашей внутренней политики; только съ этого времени стали обращать вниманіе на національные интересы края и дѣлать попытки къ утвержденію въ краѣ русской народности.

„Послѣ 1830 года начались систематическія ограниченія польского элемента въ краѣ и постепенное стѣсненіе правъ польского дворянства. Образовано было особое управленіе края, подчиненное общему административному центру Имперіи. Въ мѣстной администраціи стали вводить русскій элементъ: русскіе чиновники смѣнили поляковъ въ полицейскихъ должностяхъ, русскій языкъ сдѣлался официальнымъ въ административной перепискѣ; но въ важнѣйшей части управленія края — въ отправленіи суда — господствовалъ еще польскій языкъ вмѣстѣ съ польскими законами, и только въ 1840 году введены были въ дѣйствіе русскіе гражданскіе законы и образовано судопроизводство, по образцу прочихъ судовъ Имперіи; затѣмъ начали ограничивать выборное начало въ судопроизводствѣ и замѣнять его бюрократическимъ. Воспитаніе юношества ввѣрено было русскимъ педагогамъ, существовавшимъ въ краѣ католическія школы закрыты, а взамѣнъ ихъ учреждено было нѣсколько учебныхъ заведеній для дворянскаго сословія; въ нихъ принятая система воспитанія закрытыхъ заведеній. Въ тоже время закрытъ Виленскій университетъ и вмѣсто его учреждень въ Киевѣ университетъ Св. Владимира. Польское дворянство устранино было отъ участія въ управлениі краемъ и сохранило только свое сословное управление и представительство. Мелкая безземельная шляхта, разсѣянная по помѣщичьимъ имѣніямъ и городамъ, была обращена въ податное сословіе однодворцевъ и гражданъ, подчинена общему съ податными классами управлению и обезсилена ежегодными рекрутскими наборами. Права на дворянское достоинство всей шляхты подвергнуты были пересмотру и повѣркѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднено было множество католическихъ монастырей, бывшихъ центромъ фанатизма и пропаганды католической и регулированы фундушные доходы католического духовенства, а въ видахъ поддержанія и распространенія въ краѣ русской народности изданъ былъ известный законъ о правахъ, обязывающій супружества, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ православнаго исповѣданія, воспитывать происходящихъ отъ такихъ браковъ дѣтей въ православіи.

„Каково же было дѣйствіе этихъ мѣръ и на сколько достигла ими

*) Рукопись эта написана въ 1862 году.

цѣль, въ которой онъ были задуманы и приняты? Оно—въ свѣжей памяти у всѣхъ мѣстныхъ жителей и съ результатами его мы встрѣчаемся въ настоящее время на каждомъ шагу въ общественной жизни края. Подчиненіе управлѣнія края общему административному центру Имперіи было, конечно, могучею нитью, закрѣпляющею связь его съ общимъ отечествомъ и разрушало надежды поляковъ, смотрѣвшихъ на край, какъ на область Царства Польского, существующую раньше или позже быть присоединеною къ нему; но въ тоже время введеніе русскаго элемента въ низшую администрацію не только не расположило населеніе въ пользу правительства, а напротивъ уронило его въ глазахъ народа. Чиновничья орда, имѣвшая непосредственныя отношенія къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи, по невозможности привлечь на службу въ край людей съ лучшимъ воспитаніемъ и направленіемъ. Скудность содержанія и трудность службы, посреди непріязненно расположенного населенія, отвращало отъ служенія здѣсь порядочныхъ чиновниковъ на такихъ должностяхъ, которые составляли послѣднее звено администраціи въ отношеніяхъ ея къ народу. (Не говоримъ здѣсь о другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, для образованія чистой и благонамѣренной администраціи, какъ не относящихся къ предмету настоящей записи). Мѣста по полицейскому и судебному управлѣнію занимались людьми незнавшими края, не приготовленными къ своимъ обязанностямъ, невѣжественными и грубыми, смотрѣвшими на свои должности, какъ на средство къ кормленію. Необузданый произволъ и взяточничество были послѣдствіемъ управлѣнія края чрезъ подобныхъ агентовъ. Всѣ благонамѣренныя усиленія высшей администраціи подавить это зло разбивались въ прахъ, вслѣдствіе неисправимаго органическаго разстройства въ цѣлой системѣ: чиновники смѣяли одни другихъ, но побужденія и принципы дѣйствій ихъ были тѣ же самые и сопровождались тѣми же послѣдствіями.

„Система удаленія польского дворянства отъ участія въ администраціи края имѣла результатами устраненіе лучшихъ людей изъ этого дворянства, но всѣ остатки его изъ бѣдной и необразованной шляхты наполнили канцеляріи и внесли такимъ образомъ съ собою въ мѣстную администрацію, и безъ того страдавшую недостаткомъ хорошихъ чиновниковъ, нравственное растлѣніе голоднаго и жаднаго шляхетскаго пролетаріата.

„Преобразованіе судопроизводства не принесло ни какой пользы отправленію правосудія въ краѣ. Судъ сталъ производиться на русскомъ языкѣ и по русскимъ законамъ; но злоупотребленія отъ того не уменьшились, а увеличились. Изъ публичного и главнаго, какимъ былъ судъ по литовскому статуту, онъ сдѣлался закрытымъ, канцелярскимъ судомъ. Гарантія правдивости суда, лежавшая въ гласности его, исчезла, и судъ стали отправлять канцеляріи

уездныхъ судовъ и палатъ, которые изъ канцелярской тайны сдѣлали себѣ ловушку для просителей. Контроль администраціи надъ судами оказался бессильнымъ, да другимъ онъ и не могъ быть при системѣ закрытаго судопроизводства.

„Учебные заведенія выпускали недоучившуюся и, несмотря на дисциплинарные строгости въ заведеніяхъ, распущенную молодежь изъ мелкой и средней шляхты, которая едва выучивалась говорить и писать по-русски, но твердо хранила въ себѣ всѣ шляхетскія преданія, усвоенные ею еще въ дѣтствѣ, путемъ семейнаго воспитанія. Она вся оставалась въ краѣ и требовала здѣсь себѣ мѣста и службы, но, встрѣчая преграды къ достижению своихъ цѣлей со стороны правительственныхъ распоряженій, переходила въ ряды недовольныхъ правительствомъ и, такимъ образомъ, пополняла постоянно тотъ шляхетскій пролетаріатъ, который въ послѣднее время явился такимъ удобнымъ материаломъ для польской агитации и который всегда готовъ составлять хвостъ при всякомъ политическомъ движеніи.

„Между тѣмъ всѣ эти учебные заведенія, приносившія такъ мало истинной пользы kraю и стоившія огромныхъ издережекъ, созданы и содержались на счетъ народа, потому что такъ называемыя пожертвованія дворянства на эти заведенія собирались съ крестьянъ. Сборъ на учебные заведенія только числился дворянскимъ по казначейскимъ книгамъ, а на дѣлѣ онъ былъ крестьянскимъ: его платили своимъпанамъ, вмѣстѣ съ подушною податью, крестьяне, которые сами были лишены возможности научиться грамотѣ.

„Законъ о бракахъ составилъ сильную преграду къ распространенію въ kraѣ католичества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и польской національности и возбудилъ реакцію въ католическомъ духовенствѣ и дворянствѣ. Въ высшемъ сословіи совершенно прекратились брачные союзы католиковъ съ православными, а въ низшихъ они начали встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны ксендзовъ.

„Если отъ общаго обзора дѣйствій помянутыхъ мѣръ перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣйствія ихъ въ частности на каждую изъ группъ основнаго населенія kraя, то увидимъ, что мѣры, какъ репрессивныя, предпринятые въ видахъ подавленія польского дворянства, такъ и имѣвшія цѣлью перевоспитаніе его въ русскомъ духѣ посредствомъ системы закрытыхъ учебныхъ заведеній, далеко не достигали своей цѣли и только всею тяжестью своею ложились преимущественно на народъ. Не затрогивая существенныхъ интересовъ польского дворянства, поконвихся на крѣпостномъ правѣ, мѣры эти были только внешними ограниченіями и стѣсненіями законно-признанныхъ общественныхъ преимуществъ дворянства, стѣсненіями, производившими лишь недовольство и раздраженіе противъ правительства, но ни сколько не ослаб-

панщина отъ крестьянъ вырыла глубокую пропасть между духовными пастырями и ихъ паствою и подорвала всякое нравственное вліяніе первыхъ на послѣднихъ. Она сдѣлалась источникомъ безпрерывныхъ раздоровъ и преканій между священниками и крестьянами, посредниками въ которыхъ являлись поперемѣнно, то паны, то полицейские чиновники. Оба посредника дѣлки были отъ того, чтобы скрѣпить нравственную связь у народа съ духовенствомъ. Волею или неволею священники должны были войти въ союзъ съ панами и полиціею для угнетенія общими силами крестьянъ, или въ противномъ случаѣ признавались беспокойными и протоныались изъ одного прихода въ другой. Съ кастическою организаціею, жалкимъ образованіемъ и нищенскимъ содержаніемъ, подчиненное ни чѣмъ неограниченому произволу, сельское духовенство въ краѣ, послѣ положенія 1842 года, явилось новаго рода чиновничимъ пролетаріатомъ, обиравшимъ народные динари за отправленіе разныхъ религіозныхъ требъ, и утратило всякое значеніе народныхъ наставниковъ и нравственности. Это печальное положеніе духовенства здѣсь давно уже замѣчено высшею администрациею, но, къ изумленію, отстаивается доселѣ.

„Для рабочаго сельскаго населенія къ страшному гнету крѣпостнаго права присоединился не менѣе тяжелый гнетъ бюрократіи. Работая въ потѣ лица своего для выгодъ и удобствъ пановъ-землевладѣльцевъ, доставляя имъ своимъ трудомъ средства къ поддержанію ихъ общественнаго положенія и чуждой національности въ краѣ, которая враждебно и презрительно относилась какъ къ нимъ самимъ, такъ и ко всему русскому, — крестьяне, составлявшіе $\frac{3}{5}$ всего населенія, лишены были всякой надежды выйти изъ этого зачарованного круга и всякой возможности къ умственному и нравственному развитію. Для нихъ не было учреждено ни одной школы, гдѣ бы они могли по крайней мѣрѣ научиться читать божественные книги, въ которыхъ излагается проповѣдь любви и мира. Работы до изнеможенія и отупленія подъ плетью и дисциплиною эконома были альфою и омегою ихъ жизни. Защиты противъ польского гнета не было для нихъ нигдѣ: если панъ былъ великій деспотъ, то не меньшимъ былъ и урядникъ, поставленный на защиту невинно угнетенныхъ. Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія пана признавалась ослушностю, неповиновеніемъ и бунтомъ и влекла за собою еще большее угнетеніе. Полицейские, да и другіе чиновники, явившіеся для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ подкупленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали. Возникшее въ 1847 году въ Галиціи крестьянское движение дало поводъ правительству къ попыткѣ ограниченія произвела

дворянства въ отношеніяхъ его къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ 1847 году торжественно обнародованы были инвентарные правила. Они возбудили въ народѣ преждевременные надежды на свободу и, подавая поводъ къ беспорядкамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, горько обманули ожидавшихъ крестьянъ. Правила эти составлены были тѣми самыми панами, на угнетеніе которыхъ они безпрерывно жаловались, и не принесли ни какого облегченія крестьянамъ, а сдѣлались только неиз不可缺少ымъ родникомъ доходовъ для полиціи и узду, которою сдерживалась въ политическихъ видахъ польская заносчивость. Положеніе крестьянъ съ изданіемъ правилъ измѣнилось не къ лучшему, а къ худшему: введенные правилами два рода барщины—тяглой и пѣшай—сдѣлали невыгоднымъ для помѣщиковъ удерживать разрядъ плуговыхъ крестьянъ, а для тѣхъ послѣднихъ тяглую барщину, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе рабочаго крестьянскаго скота и замѣтное обѣднѣніе крестьянъ. До введенія инвентарныхъ правилъ, во многихъ имѣніяхъ по нѣсколько крестьянъ выходили на барщину съ своими плугами; послѣ введенія, этого нигдѣ уже нельзя было увидѣть. Положеніе крестьянъ, загнанныхъ, забитыхъ, лишенныхъ даже смягчающаго вліянія религіи—было по истинѣ ужасное! Въ панахъ своихъ они видѣли плантаторовъ, выжимающихъ изъ нихъ всѣ соки, въ чиновникахъ—подкупленныхъ слугъ этихъ пановъ, а въ сельскихъ священникахъ—мелкихъ и назойливыхъ экономовъ и сутягъ, стремившихся завладѣть тѣмъ, чего не успѣлъ выжать у нихъ панъ. Но въ своемъ беззащитномъ положеніи, посреди угнетеній, направленныхъ на нихъ со всѣхъ сторонъ: отъ пановъ, чиновниковъ и духовенства, посреди общей неправды,—крестьяне вѣрили въ правду далекаго отъ нихъ Бѣлаго Царя. Самая возмутительная несправедливости и пристрастіе чиновниковъ не въ состояніи были поколебать ихъ вѣру въ Царя. Отъ него только они ждали правды и облегченія своей участіи и не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Цѣлая Россія съ восторгомъ услышала слово правды своего Царя, и день 19-го февраля 1861 года останется вѣчно-памятнымъ для русскаго народа!

„Но, къ сожалѣнію, примѣненіе Положенія 19 февраля польскими миросудами посредниками сопряжено было съ разными несправедливостями, преимущественно—съ уменьшеніемъ крестьянскихъ надѣловъ противъ того размѣра пользованія землею, какое крестьяне имѣли по инвентарямъ. Само собою разумѣется, что эти несправедливости вызывали протесты со стороны крестьянъ, которые были усмирены путемъ экзекуцій.

„Но вотъ произошло польское восстаніе, и, только по подавленіи его, наступили рѣшительныя мѣры по возстановленію крестьянскаго надѣла, согласно съ дѣйствительнымъ владѣніемъ по инвентарамъ, обязательный выкупъ и понижение выкупныхъ платежей сообразно съ средствами крестьянъ“.

КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ есть религія панская, а ксендзъ — священникъ шляхты. Подобное воззрѣніе принадлежитъ какъ полякамъ и ихъ духовенству, такъ и народу. Мѣстная польская пословица говоритъ: „попъ — хлопъ, а ксендзъ — капланъ шляхѣтныхъ“ *). Поляки всегда называли православіе хлопскою вѣрою (*chlopska wiara*); народъ считалъ православіе „благочестіемъ“, а равно и „вѣрою мірянъ“; католицизмъ — „лядською вірою, панською вірою“

Этотъ соціальный и этнографический характеръ религіи отразился, какъ увидимъ впослѣдствіи, на отношеніи къ ней самого католического духовенства и на отношеніи народа къ прозелитамъ этой религіи и самыхъ прозелитовъ къ ней.

Такъ какъ паства католического духовенства состояла преимущественно изъ пановъ и шляхты, а не изъ народа, то, естественно, паны становились единственными кормильцами ксендзовъ. Все благосостояніе ихъ зависѣло отъ благорасположенія пановъ, потому что „ходачковая“ шляхта, составляющая часть католическихъ „парафій“, не имѣя поземельной собственности, точно также зависѣла отъ пановъ и, по своей бѣдности, не могла значительно помочь духовенству.

Это зависимое положеніе духовенства отъ пановъ вело къ тому, что оно не могло громко возвышать голоса и держаться съ достоинствомъ пастыря предъ высокомѣрнымъ паномъ. Поэтому въ Юго-Западномъ краѣ католицизмъ болѣе аристократиченъ, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ.

Католическое духовенство хорошо понимало, что его соціальное положеніе и экономическое благосостояніе могутъ упрочиться съ расширенiemъ пропа-

*) Попъ — мужикъ, а ксендзъ — священникъ благородныхъ.

ганды, а эта послѣдняя возможна въ широкихъ размѣрахъ только подъ крыльшкомъ Польши. Поэтому не удивительно, что католицизмъ и польщизнанеизбѣжно отождествлялись въ ихъ понятіяхъ, при чёмъ успѣхъ католицизма зависѣлъ отъ успѣха полонизма.

Вотъ—коренная причина польского патріотизма ксендзовъ, вотъ—почему католицизмъ, какъ религія, въ западномъ краѣ отступалъ на второй планъ; на первомъ планѣ былъ политическій вопросъ, т. е. вопросъ господства полонизма, а католицизмъ явился бы какъ вѣрно расчитанное послѣдствіе, чѣмъ на практикѣ и случалось очень часто. Стоило ополячиться, чтобы имѣть затѣмъ полную наклонность къ католицизму. Но тутъ препятствовалъ только одинъ законъ: если бы этого закона не было, то ополяченные православные тотчасъ бы дѣлались сынами Римской церкви.

До послѣдняго десятилѣтія въ краѣ господствовала исключительно польская интеллигенція, самымъ сильнымъ элементомъ которой былъ католицизмъ. Поэтому не удивительно, что воспитываемый въ польскомъ духѣ православный, сдѣлавшійся такимъ образомъ одною изъ единицъ польского интеллигентнаго общества, проникался симпатіею къ католицизму, какъ религіи интеллигенції.

Нѣсколько иначе относится къ католической религіи мелкая шляхта. Чтобы уяснить это, мы коснемся значенія этой шляхты въ прежнее время и теперь.

Во время господства Речи Посполитой, богатые паны дорожили этой шляхтой: она давала имъ силу на сеймахъ. Чѣмъ обеспечить за собой эту силу, нужно было поставить шляхту въ зависимое положеніе. При малѣйшей самостоятельности, когда шляхтичъ дѣлался хотя мелкимъ собственникомъ, онъ уже, по своей шляхетской гордости и даже по праву, дѣйствовалъ самостоятельно, руководствуясь пословицей: „szlachcic na zagrodzie rówien wojewodzie“ (шляхтичъ на одномъ огородѣ равенъ воеводѣ, т. е. самый мелкій собственникъ шляхтичъ совершенно равенъ въ правахъ своихъ самому крупному магнату).

Вслѣдствіе подобныхъ соображеній, вся мелкая шляхта оказалась безземельною. Паны привлекали ихъ отдачею земель на льготныхъ арендныхъ условіяхъ, давали должности при своихъ дворахъ, кормили и поили на сеймахъ, при чёмъ льстили ихъ szlacheckie ambicyi (чувству дворянскаго достоинства). Отсюда—цѣлые массы такъ называемой „ходачковой“ шляхты („чиншовиковъ“), „дзержавцевъ“ (арендаторовъ), „заставниковъ“ (дававшихъ пану деньги въ долгъ и за это получавшихъ пользованіе землею), „офиціалистовъ“ (имѣвшихъ разныя служебныя обязанности), „печеняржей“ (проживаловъ и компаніоновъ) и „дворянъ“ (молодыхъ мелкихъ пановъ, проживающихъ въ аристократическихъ домахъ, для „набраня полёру“, т. е. для усвоенія манеръ высшаго тона).

Съ уничтожениемъ Речи Посполитой, социальная роль всѣхъ поименованныхъ видовъ шляхты измѣнилась. Въ особности измѣнилось положеніе ходачковой шляхты: она оказывалась болѣе ненужною панамъ; съ другой стороны она отъ нихъ была въ совершенной зависимости. Паны постепенно увеличиваютъ чинши, шляхта эта бѣднѣеть, а послѣ освобожденія крестьянъ является еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне.

Такимъ образомъ въ соціальномъ положеніи ходачковая шляхта сравнялась съ крестьянами, съ тою только разницей, что не была въ крѣпостной зависимости; но за то экономически была иногда даже въ худшемъ положеніи. Между этой шляхтою и панами прекратилась та связь, которая прежде существовала и даже замѣнилась нерасположеніемъ къ панамъ. Экономическое положеніе сблизило ее съ народомъ, съ которымъ она равнялась по своему умственному развитію.

Отъ этого произошло обратное движение у шляхты. Она все болѣе и болѣе утрачиваетъ свой полонизмъ, сливаясь съ общенародною жизнью и, въ то же время, становится менѣе фанатичною по отношенію къ православію; она признаетъ, что это—вѣра простыхъ людей, что католицизмъ—вѣра панская, и только остатки гордости шляхетской, заставляющей ихъ считать себя выше народа, поддерживаютъ ихъ связь съ католицизмомъ, при чемъ самый католицизмъ у нихъ чисто вѣшній. Богослуженіе на латинскомъ языке и польская проповѣдь повергаютъ ихъ въ дремоту.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ по вопросу о католическомъ богослуженіи на русскомъ языке.

Подобная реформа демократизируетъ католическую религію. Католики изъ низшаго класса почувствуютъ большую свою близость къ этой религіи, она имъ сдѣлается родною, явится возможность быть католикомъ и въ то же время русскимъ. Обыкновенные приходскіе ксендзы относятся враждебно къ этой мѣрѣ, потому что, какъ мы объяснили, полонизмъ у нихъ на первомъ планѣ. Что же касается до болѣе тонкихъ политиковъ католицизма, а въ особенности принадлежащихъ къ Societatis Jesu, то они довольно благосклонно смотрятъ на эту мѣру, хотя и притворяются ея противниками; они думаютъ, что эта мѣра упрочить за ними низшіе классы католического населения и даже повліяетъ на православныхъ крестьянъ и мѣщанъ, въ особенности—при существованіи смѣшанныхъ цеховыхъ братствъ *).

*) Въ Волыни и Подоліи существуютъ цеховые братства изъ католиковъ и православныхъ и братчики являются въполномъ составѣ какъ въ костель, такъ и въ православную церковь. Въ некоторыхъ мѣстахъ православные и до сихъ поръ ходятъ, въ дни отпустовъ, въ костелы съ чудо-

Замѣчательна исходная точка вышеупомянутой категоріи политиковъ. Они съ болю сердца чувствуютъ, что полонизмъ въ здѣшнемъ краѣ утратилъ свою силу. Послѣднее восстаніе и послѣдовавшія затѣмъ мѣры прочнаго устройства быта русскаго населенія нанесли ему въ здѣшнемъ краѣ смертельный ударъ въ экономическомъ, соціальномъ и даже въ нравственномъ отношеніяхъ. Онъ уже не можетъ быть прочною опорою католицизма, который съ нимъ вмѣстѣ долженъ упадать. Эти соображенія побуждаютъ ихъ даже къ готовности пожертвовать польскою проповѣдью въ костелѣ въ пользу русской. Они пытаются надежду, что это можетъ поддержать католицизмъ и въ этомъ есть свой *raison d'être*. При упомянутой мѣрѣ, католицизмъ утратитъ свой польскій характеръ и, слѣдовательно, перестанетъ быть враждебнымъ для народа.

Мы уже намекнули, что въ Царствѣ Польскомъ католицизмъ является народною религіею; въ здѣшнемъ же краѣ онъ шелъ совмѣстно съ ополяченіемъ и впослѣдствіи, когда этотъ край былъ отдѣленъ отъ Польши, то, въ стремленіяхъ пановъ къ своему отечеству, католицизмъ является политическимъ вопросомъ. Въ силу этого, каждый панъ считаетъ долгомъ оказывать всѣ знакиуваженія къ этой религіи. Каковы бы ни были его внутреннія убѣжденія, панъ всегда старается показать себя человѣкомъ религіознымъ. Отсюда возникаетъ то ханжество, которое не можетъ не поражать наблюдателя.

Кременецкій лицей, а въ особенности Виленскій университетъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подъ вліяніемъ французскаго либерализма, воспитывалъ поколѣніе такъ-называемыхъ религіозныхъ „либертиновъ и вольтеріанцевъ“. Но это же самое поколѣніе въ литературѣ и жизни являлось въ такомъ благопристойномъ католическомъ видѣ, какъ и не-вольтеріанцы.

Вообще: стдитъ обозрѣть польскую литературу, чтобы убѣдиться, что она проникнута католическимъ романтизмомъ на столько же, какъ и панскою эстетикой. Исключеніе представляетъ явившійся въ Киевѣ въ 40-хъ годахъ, подъ вліяніемъ русскаго философскаго направленія литературы, раціоналистический альманахъ „*Gwiazda*“ *). Альманахъ этотъ былъ встрѣченъ

творными иконами, какъ напримѣръ въ Бердичевѣ, Брацлавѣ, Летичевѣ, Любартѣ, Тарнорудѣ и др. Теперь они тамъ поклоняются только чудотворнымъ иконамъ, не понимая ни богослуженія, ни проповѣди. И только музыка и нарочно устраиваемая въ эти дни эффектная обстановка оставляютъ по себѣ впечатлѣніе; русскій же языкъ въ костелѣ—ихъ еще болѣе сблизить съ нимъ.

*) Редакція этого альманаха, желая прикрыть свое направленіе благовидною въ общественномъ шляхетско-католическомъ мнѣніи цѣлью, назначила выручку отъ изданія на сооруженіе какого-то костѣла; не смотря на это, направленіе было подмѣчено ультро-католическою партіей, группировавшеюся вокругъ редакціи „*Tygodnika Petersburgskiego*“, и въ особенности благодаря ея инсинаціямъ, альманахъ закрытъ.

довольно враждебно большинствомъ польской интеллигенціи, и сотрудники его не только должны были прекратить это изданіе, но даже сдѣлаться ханжами, подъ гнетомъ фанатизма общественнаго мнѣнія.

Стдитъ разсмотрѣть любой каталогъ польскихъ книгъ, чтобы убѣдиться, что преобладающій въ нихъ отдѣль богословскій. Даже лучшіе ученые польские въ своихъ чисто научныхъ сочиненіяхъ примѣщиваютъ католической мистицизмъ къ положительному знанію, какъ это видимъ, напримѣръ, въ недавнихъ трудахъ по астрономіи Загурскаго и другихъ.

Мы уже указали на то уваженіе къ католической религіи, которое каждый панъ считаетъ какъ бы своею обязанностью. Но если онъ и позволяетъ себѣ иногда повольнодумничать въ дѣлѣ религіи, то ни въ какомъ случаѣ это не дозволяется женщинѣ. Женщина, позволяющая себѣ подобное вольнодумство, теряетъ всякое уваженіе; она считается способною къ крайней распущенности. Сочиненіе Гофмановой „O moralnosci kobiet“ проникнуто подобными наставленіями. Не смотря на то, что это сочиненіе представляетъ собою нѣсколько принаоровленный къ духу времени „Домострой“, но оно въ большомъ ходу. Такимъ же направленіемъ проникнуты философскія сочиненія весьма авторитетной въ современной литературѣ писательницы Земенцкой, а также весьма популярныя поэтическія произведенія Деотымы и другихъ.

Поэтому и не удивителенъ фанатизмъ польскихъ женщинъ; не удивительно, что онъ являлись самою могущественною силою, пробуждавшею патротизмъ. И вожаки, какъ клерикальные, такъ и политические, всегда старались вліять въ особенности на женщинъ. Не удивительно также, что и „либертины“, подъ вліяніемъ семейной жизни, дѣлались ханжами.

Мы знаемъ примѣры въ настоящее время, какъ молодые люди съ демократическимъ направленіемъ, съ симпатіями къ русскому народу и довольно сильнымъ развитиемъ критики, подъ вліяніемъ женъ безусловно разставались со всѣмъ этимъ и дѣлались типическими „мошродз'ями“ *).

Это клерикальное направленіе женщинъ отражается на всемъ складѣ панской жизни. Религіозные обряды и обычаи соблюдаются съ замѣчательною исправностью; напримѣръ, рѣдкая женщина пропустить отпustы въ ближайшихъ костелахъ; библиотеки женщинъ состоять преимущественно изъ ksiązek do nabożenstwa (молитвенниковъ); женщины—главныя жертво-принесители костела; цвѣты, рукодѣліе, деньги сыплются ими щедрою рукою.

Пани и паны сдѣлали для себя церковныя церемоніи главными собы-

*) Рутинерами, съ отсталыми шляхетско-католическими понятіями, отъ словъ *moscі dobrodzieju*, звучящихъ въ устахъ старой шляхты, придающей имъ особый оттенокъ выговора, какъ *moscі-rodz'ю*, *moшrodz'ю*, *moшrodz'ю*.

тіями въ своей жизни; онъ мечтаютъ объ этихъ церемоніяхъ, ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ, готовятся къ нимъ, говорятъ о нихъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Въ особенности любими ими „ресурекці“ (страсти), „мадве набоженьство“ (майскія богослуженія въ честь Божіей Матери), „дзень задушны“ (Духовъ день и поминальныя богослуженія) и „Боже Цяло“; при чемъ ихъ въ особенности занимаетъ внѣшняя обстановка, въ эффектѣ которой играютъ немаловажную роль произведенія ихъ рукъ. Эти церемоніи, на которыхъ стекается многочисленная аристократическая публика, часто служить завязкою романовъ, въ чемъ можно убѣдиться въ повѣстяхъ польскихъ писателей.

Въ прежнее время религіозность пановъ имѣла характеръ нѣсколько болѣе демократической. Такъ, напримѣръ, на *вилію* (сочельникъ), не рѣдко панъ садился за ужинъ со всею своею челядью, которая потомъ распѣвала коляды; теперь этотъ обычай вышелся. Паны считали также долгомъ являться на Свѣтлыхъ праздникахъ къ церкви, гдѣ православная молодежь забавлялась веснянками. Панъ христосовался съ челядью, обмѣниваясь „кращенками“ (но не поцѣлуями — ему только целовали руку). Паны любили играть роль патріарха въ православной громадѣ; но всѣ эти обычай исчезли.

Что касается до католической мелкой шляхты, то она исполняетъ аккуратно установленные религіозные обряды, но при этомъ она проникнута тѣмъ же міровоззрѣніемъ, какъ и малороссы-крестьяне; у нихъ тѣже повѣрья, нравы и обряды; какъ наприм., сватбы и проч., а равно тѣже пѣсни, тѣже забавы, какъ и у малорусскихъ крестьянъ. Часто шляхтичъ, живущій вдали отъ костела, приглашаетъ исповѣдывать умирающаго или крестить ребенка — православнаго священника, часто въ воскресные дни ходить въ церковь, хотя ему за все это и достается. По происхожденію своему, шляхта эта — частью малорусская, частью выселенная изъ Польши, какъ „будники“ и „рудники“, но почти всѣ они, за исключеніемъ перешедшихъ въ „офиціалисты“, омалорусились.

Крестьяне-католики — частью омалорусившіеся мазуры; большою же частью малороссы, перешедшіе въ католицизмъ посредствомъ унії; они остаются тѣми же малоруссами и теперь.

Что касается до мѣщанъ-католиковъ, то громадное большинство изъ нихъ не утратило своей малорусской народности, хотя между ними есть часть ополяченныхъ. Тамъ, гдѣ въ одномъ селеніи живутъ крестьяне или чиновники православные и католики, существуютъ взаимныя насмѣшки, при чемъ пускается въ ходъ юморъ по отношенію къ религіямъ, и въ такихъ мѣстностяхъ замѣчается съ обѣихъ сторонъ нѣкоторая холодность къ религіи.

Что касается до шляхтичей, попавшихъ въ офиціалисты, то они наи-

болѣе фанатичны. Стремясь къ тому, чтобы побольше походить на пана, такой шляхтичъ сильно проникается интересами панской религіи. Большая часть ихъ—заязные поляки; они-то представляли собой наибольшій контингентъ въ повстаньѣ.

Мы не говорили до сихъ поръ объ уцѣлѣвшей въ значительной степени въ Овручскомъ и Радомысьскомъ уѣздахъ, а также въ окрестностяхъ Бара, такъ называемой „околичной“ шляхтѣ. Она осталась православною, хотя многие изъ нея, вышедши въ другія мѣста, сдѣлавши чиновниками, или болѣе крупными землевладѣльцами, сдѣлались въ тоже время католиками. Это—остатки древнихъ свободныхъ южно-русскихъ землевладѣльцевъ, потомки боярскихъ родовъ, они и теперь цѣлыми околодцами носятъ родовыя названія: Чоповскихъ, Ходаковскихъ, Выговскихъ и друг. Шляхта эта сохранила и народность и православіе, и въ своей прошлой исторіи не только не подчинялась польско-католическому вліянію, но постоянно участвовала въ козацкихъ народно-религіозныхъ движеніяхъ.

Ополченіе иѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ и вообще ополченіе небольшой части мѣщанства и крестьянства, а равно и остальныхъ православныхъ пановъ, произошло уже въ XVIII и XIX стол., когда администрація, судъ и школа были не только въ рукахъ поляковъ, но и самій языкъ польскій былъ господствующимъ, а козацкій народно-православный протестъ былъ не возможенъ.

НРАВЫ, ОБЫЧАИ, СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ.

Во времена господства Речи-Посполитой, въ этотъ золотой вѣкъ шляхетскаго могущества, шляхетскаго произвола, было естественно, что панъ предпочиталъ жить въ своемъ имѣніи, въ которомъ онъ былъ полновластный владыка. Всѣ жители на его территоріи были или его подданные, или его дворъ. Въ тоже время, каждый почти панъ былъ чиновникъ Речи-Посполитой; но его служебное отношеніе не требовало непремѣнного присутствія въ столицѣ. Во время сеймовъ, а иногда во время войны, многіе изъ нихъ являлись въ столицу; остальное же время проводили въ своихъ помѣстьяхъ.

Домъ значительного пана почти иначе не назывался какъ *палацъ* (дворецъ); а подворье каждого вообще пана—*двуръ* (дворъ), въ смыслѣ резиденціи властительной особы. Праздная жизнь, охоты, пиры, провинціальные сеймики—вотъ обычныя занятія панства.

Съ присоединеніемъ къ Россіи, съ жалованною грамотою дворянству и съ утвержденіемъ крѣпостнаго права, шляхетство, хотя и лишенное той политической роли, которую въ послѣднее время Речи-Посполитой такъ своею корыстно и такъ недобросовѣстно оно пользовалось,—еще болѣе утвердилось въ селахъ. Ихъ уже не беспокоили болѣе козацкіе и хлопскіе бунты. Козачество было погребено, а крѣпостное право охранялось сильною рукою администраціи. Панъ могъ жить спокойно въ своемъ владѣніи; крѣпостной трудъ давалъ возможность создавать для потѣхи панской огромный штатъ дворни, а жизнь сдѣлалась еще болѣе праздною, такъ какъ жалованная грамота освобождала дворянъ отъ обязательной воинской службы. *Zyc dwornie i hojnie* (окружать себя большимъ штатомъ прислугъ и жить роскошно) считалось какъ бы нравственною обязанностью для пана, требуемою его достоинствомъ. Затѣмъ патріотизмъ внушалъ во многихъ отвращеніе въ „московской“ службѣ и ко всякому общенію не только съ русскимъ народомъ, но и

сь чиновнымъ міромъ вообще. Это еще болѣе способствовало тому, что паны оставались въ своихъ имѣніяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, обусловило характеръ правовъ и быта панства здѣшняго края.

Во время господства Речи-Посполитой панъ, по государственному образцу, организовалъ въ своемъ *ключу* такие же штаты; по селамъ онъ садилъ изъ шляхты старостъ, подстаростъ и проч. Имѣлъ также своихъ *дворжанъ* — т. е. придворный штатъ изъ шляхты болѣе *гладкихъ* (ловкой) и знающей этикетъ, манеры и нравы большого свѣта. Но кромѣ этого, желая имѣть на сеймахъ побольше голосовъ, паны привлекали къ себѣ шляхту и другимъ способомъ, такъ возникали „державцы“, „заставники“, „коморники“ (жильцы, нанимающіе домъ и усадьбу) и проч. Съ паденiemъ Речи-Посполитой, классъ этотъ сдѣлался ненужнымъ для панства; но такъ какъ по большей части это былъ шляхетскій пролетаріатъ, то такимъ или инымъ способомъ онъ въ значительной долѣ содержался на счетъ пановъ, чemu еще помогала панская слабость — *амбіція*, *гоноръ*. И эти всѣ проживали, какъ мы увидимъ, эксплуатировали эту слабость.

Жизнь пановъ въ своихъ имѣніяхъ, хотя до нѣкоторой степени способствовала лучшему веденію хозяйства сравнительно съ Великороссіей, но за то это постоянное пребываніе пановъ вело къ совершеннѣйшему подавленію крестьянского самоуправленія и крайнему угнетенію народа варварскою панчиною. Въ Великороссіи, гдѣ владѣльцы не жили въ имѣніяхъ, явилась оброчная система съ полнымъ крестьянскимъ самоуправлениемъ. Ничего подобнаго не могло быть въ этомъ краѣ. У народа были подавлены всякия стремленія къ самоуправлению. Праздность, неразвитость, разгульная жизнь, любовь къ роскошному шику и массы тунеядцевъ, окружавшихъ пана, требовали огромныхъ средствъ; поэтому крестьяне страдали въ высшей степени. Паны должны были и безпощадно эксплуатировать крестьянъ.

По присоединеніи къ Россіи, панство получило особенную склонность отправляться заграницу; такъ называемая *подружоманія* *) — сдѣлалась повальной болѣзнью пановъ; имѣнія поручались *ржондцамъ* (управляющимъ), и въ такихъ-то имѣніяхъ народъ еще болѣе страдалъ. Недаромъ сложилась и пословица „не такъ паны, якъ підпанки“. И это понятно. „Ржондца“ ради не только о панѣ, которому нужно было высылать огромныя деньги, но и о своемъ собственномъ благосостояніи. Нерѣдко потомъ „ржондца“ превращался во владѣльца. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ, мы перейдемъ къ образу жизни и нравамъ пановъ.

Узость общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ съ одной стороны и

*) Страсть къ путешествіямъ.

крайний политический мистицизмъ съ другой — составляютъ характеристику польской литературы, особенно до конца первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ лучшей части поэзіи господствовалъ послѣдній, а первый лучше всего видѣнъ изъ такъ называемыхъ „обычаѣвыхъ повѣстекъ“, нравоописательныхъ повѣстей. „Повѣстки“ эти исключительно панского характера; дѣйствующія лица — паны; любовь и панская забавы — содержаніе ихъ. Слѣдить указать хотя бы на любимыя повѣсти Корженевскаго. Въ одной изъ нихъ, наприм., герой, предметъ страсти котораго путешествуетъ въ Одессу — проявляетъ свою возвышенную любовь тѣмъ, что, истощая свое имѣніе и разоряя своихъ хлоповъ (послѣднее, разумѣется, авторъ игнорируетъ), — скакать впереди ея инкогнито, устраиваетъ въ степи фантастические шатры, въ которые затѣмъ приглашалась путешественница и находила роскошное угоженіе *).

Вообще польские писатели такъ любятъ подобнаго рода эффекты, что почти всегда наполняютъ ими свои произведенія и, такимъ образомъ, воспитываютъ въ этомъ направленіи молодое поколѣніе. Сатира и критика вообще не даются полякамъ; у нихъ нѣтъ ни одного имени, которое бы могло неоспоримо стать на ряду съ лучшими русскими писателями въ этомъ родѣ. Сила самообожанія и подчиненіе рутинному и крайне деспотическому общественному мнѣнію слишкомъ велика и слишкомъ уже отождествлены понятія о гражданинѣ и помѣщикѣ (понятія эти сливаются въ одномъ словѣ: obywateł) для того, чтобы среди этого народа могла явиться мощная критическая мысль, исполненная прогрессивныхъ гражданскихъ мотивовъ.

Болѣе значительные паны не воспитывали своихъ дѣтей въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ; только дѣти мужескаго пола пановъ средней руки воспитывались въ гимназіяхъ. Эти учебныя заведенія до послѣдняго времени были подъ сильнымъ вліяніемъ польской интеллигенціи. Ученики пренебрегали русскою исторіей, литературой и языкомъ; разговорный языкъ у нихъ былъ польскій. Поэтому молодежь оставалась подъ вліяніемъ исключительно польской культуры.

Богатые паны воспитывали дѣтей дома, окружая ихъ гувернерами и гувернантками преимущественно изъ иностранцевъ. Воспитываясь дома, новое поколѣніе вполнѣ сживалось съ идеями и нравами старшаго поколѣнія, чѣмъ и объясняется та сила традицій, которая съ такимъ постоянствомъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Воспитаніе было аристократическое: манеры, знаніе высшаго тона, французского языка, музыки, танцевъ, краткой военной исторіи Польши и

*) Въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ этого автора хотя подчасъ и проглядываетъ попытка посыпать не много изображаемые имъ нравы такъ называемою аттическою солью, но вообще попытка эта весьма иронична и крайне жалкаго свойства.

набожность составляли программу этого воспитанія. Внушалось отвращеніе ко всему хлопскому, схизматическому и „московскому“. И это не удивительно: панъ и хлопъ были двѣ различныя народности, различныя религіи, такъ что къ общему нерасположенію неразвитого высшаго класса къ низшему примѣшивался национальный и религіозный фанатизмъ.

При этомъ паничи съ молодыхъ лѣтъ привыкали къ охотѣ—*полёваню*, которое отбывалось съ замѣчательною торжественностью: съѣзжались сосѣди, шли бурныя охотничьи пренія, устраивались кутежи. Эти же паничи съ родителями отправлялись на контракты, ярмарки, на редуты (родъ увеселительного собранія), пикники (пиры въ складчину), гулянья, собственно какъ говорилось: „dla nabrania oglady i poloru wyzszeego swiata, oraz dla zabrania z nim znajomości i stosunkow“ (буквально: чтобы отесаться и получить лоскъ высшаго свѣта, а также свести съ нимъ знакомство и войти въ сношеніе).

Надо замѣтить, что главныя ярмарки, контракты, редуты и т. п. играли до послѣдняго времени огромную роль въ жизни пановъ. Особенное значеніе имѣли контракты въ Дубнѣ и потомъ въ Киевѣ; ярмарки—въ Бердичевѣ, Ярмолинцахъ и Балтѣ; редуты — въ Любарѣ и другихъ мѣстахъ; гулянья — въ Уманскомъ саду, въ Софіевкѣ, а также лѣтнія купанья — въ Одессѣ и дворянскіе выборы въ губернскихъ городахъ. На ярмарки съѣзжалось многочисленное панство. Разгуль, картежная игра, вечера, танцы, гулянья кавалькадами и развратъ по постояннымъ дворамъ довершали воспитаніе. Здѣсь кстати упомянемъ, что въ многочисленныхъ постоянныхъ дворахъ Юго-Западнаго края, которыхъ до двухъ тысячъ, въ каждомъ есть мишуришь — факторъ и слуга; онъ не получаетъ жалованья; главный его доходъ — поставка проѣзжающимъ проститутокъ. Это явленіе не можетъ не свидѣтельствовать о нравахъ.

Жизнь для панича въ домѣ родителей—полное раздолье. Многочисленная дворня и, въ томъ числѣ, огромный штатъ *покоювекъ* (горничныхъ) и дочерей офиціалистовъ давали широкій просторъ чувственнымъ инстинктамъ. Что же касается до жизни пановъ-холостяковъ, то у нихъ положительно были гаремы. Мы сами въ юности знали пана, у которого каждая красивая дѣвушка изъ селенія поступала въ панской дворъ, а потомъ панъ выдавалъ ее или за мелкаго офиціалиста, или за лакея. Какъ доказательство того, какъ смотрѣло общество на похожденія молодыхъ людей съ дворовыми дѣвушками нeliшне будетъ указать на повѣсть Падалицы „Покоювка“. Тамъ герой—развитой человѣкъ, приживъ ребенка съ „покоювой“, выдастъ ее замужъ за мельника. И это выставляется почти какъ образецъ великодушія. Мы слышали отъ очевидца разсказъ объ одномъ панѣ, ста-

ромъ холостякъ, который, приживъ въ незаконной связи дочерей, сдѣлалъ ихъ потомъ своими наложницами. И общество не скандализировалось этимъ, и онъ не терялъ почета!..

Утверждая, что нравственный уровень польского панства былъ не высокъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что подобные пороки свойственны исключительно польскому обществу. Жизнь феодаловъ и помѣщиковъ вообще во время крѣпостного права была далеко не безукоризненна; но здѣсь, въ этомъ краѣ, деморализаціи способствовали всѣ вышеизложенные условия какъ-то: бездѣятельность вслѣдствіе политическихъ причинъ, пренебреженіе къ народу, усилившееся вслѣдствіе національныхъ и религіозныхъ побужденій, и отсутствіе общенія съ болѣе свѣжею цивилизаціею вслѣдствіе традиционности польского общества.

Паничъ, получившій подобное воспитаніе, дѣлался женихомъ. Похожденія жениха весьма характеристичны. Первая заповѣдь его — не уронить своего панского достоинства; поэтому невѣста должна имѣть приличное приданое и должна быть родовитая, чтобы жить сообразно съ своимъ общественнымъ положеніемъ. Съ своей стороны паны всегда помышляютъ, чтобы женихъ былъ или родовитъ, или богатъ. Характеристика этого вездѣ видна въ тѣхъ же „обычайныхъ повѣсткахъ“, особенно у Корженевскаго, — укажемъ хотя бы на его „Спекулянта“ или на его комедію: „Imie lub majatek“ („Имя или имѣніе“). Завязки романовъ, какъ мы упомянули, начинаются часто во время процессій, а также на ярмаркахъ и гуляньяхъ. Здѣсь необходимо сказать о паничевскомъ идеалѣ женщины. Прежде всего, конечно, обращается вниманіе на виѣшность: strój (нарядъ) женщины и ея костюмы занимаютъ видное мѣсто въ повѣстяхъ; затѣмъ — манеры и грація женщины; далѣе требуется меланхолическое настроеніе или наивная веселость, набожность и нѣкоторое знакомство съ польской беллетристикой и исторіей королей; причемъ она должна быть польскою патріоткой. Музыка — необходимое условіе: безъ знанія ея, женщина теряетъ всякое обаяніе. Собственоручныя работы по хозяйству, въ глазахъ лицъ высшаго тона, профанируютъ достоинство женщины; въ этомъ должны выручать ихъ служанки или экономки. Пани и панна обязаны строго заботиться о бѣлизнѣ и нѣжности своихъ рукъ, на которыхъ обращается особенное вниманіе при опредѣленіи высшей породы. Pulchna i bia{\l}a r{\aa}czka (пухленькая и бѣлая ручка) служить вѣрнымъ признакомъ аристократического происхожденія, такая рука и называется аристократическою (arystokratyczna r{\aa}czka). Изъ домашнихъ занятій допускаются только болѣе легкія и почему либо кажущіяся интересными, каковы, напримѣръ, разливка супа и чаю, вязанье, вышиванье и тому подобные дамскія robótki (работы). Эти понятія усвоены не только помѣщичьими дамами, но и панами, когда ее юноши были (жрицей) идеала. Поляки привѣтливо относятся къ дѣламъ, но это вѣдь же Поляки племенны, чаютъ польскую эманципацию повѣстей, чены были въ жизни; То эманципация коснулась протестантской женщины, слѣдѣя раздѣлѣніемъ сроднила преклоненіемъ ея мишурѣ сивнаго, щая бранитъ оритету смотрятъ Въ этикетѣ, женщина позволитъ

*.) Въ варшавскій ской, читающей ползутся

дами, но и более бѣдными панями и паннами, такъ что и совсѣмъ бѣдная шляхтянка, вынужденная работать собственоручно, стараеть оть стыда, когда ее застаютъ за кухонною или тому подобною работой. Назначеніе женщины быть любезною и говорливою хозяйкой (пржејта) и „капланкой“ (жрицей) семейнаго очага. И дѣйствительно: польскія женщины достигли этого идеала. Кому неизвѣстно кокетство полекъ, ихъ удивительная наружная привѣтливость, ихъ умѣніе идеальничать, выставить себя не оть мѣра сего; но это все съ равнымъ себѣ; съ людьми не много ниже по положенію, гордость женщины безпредѣльна.

Поляки щеголяютъ вѣжливостью передъ женщинами, говорять имъ комплименты, поражающіе своею приторностію и льстивостію; они идолопоклонничаютъ передъ женщиной, но женщина, какъ человѣкъ, имъ непонятна. Мысль обѣ эмансираціи женщины для поляка омерзительна. Героини Тургеневскихъ повѣстей (не только Елена, но такія, какъ Лиза или какъ Наташа) встрѣчены были бы почти съ отвращеніемъ. Романтическая вольность женщины можетъ быть прощена, если женщина затѣяла входить въ обыденную колею жизни; но свободомысліе, но стремленіе къ разумной жизни — непростительны. То эмансираціонное движеніе, которое охватило все европейское общество, не коснулось польского общества, или, лучше сказать, отголоски о немъ вызвали протестъ, особенно со стороны женщинъ *). И совершенно понятно: польская женщина привыкла быть тунеядствующимъ идоломъ. Быть женщиной въ смыслѣ разумнаго существа — это проза; ей нуженъ ореолъ, она съ нимъ такъ сроднилась и, надо къ чести ея сказать, умѣеть во всю свою жизнь заставить преклоняться передъ ней. Она не входила въ то, какъ тяжело хлопу обходился ея мишурный блескъ; она — еще большій чѣмъ мужчина врагъ всего прогрессивнаго. Она — ковчегъ польскихъ традицій, потому ее и чтить писательствующая братія. Сдѣлавшись мужемъ, панъ окружаетъ женщину попеченіемъ, считаетъ обязанностію угождать ей, но требуетъ, чтобы она подчинялась авторитету его въ сферѣ критики; умъ ея ниже, поэтому-то снисходительно и смотрѣть на суевѣрія женщинъ.

Въ образцовыхъ панскихъ семействахъ обыкновенно принять особенный этикетъ, какая-то торжественно-церемоніальная тактика по отношенію къ женщинамъ. Не только посторонние мужчины, но и самъ мужъ никогда не позволить себѣ полной фамиліарности и задушевности въ рѣчахъ и обра-

*) Въ доказательство этого, довольно указать на то горячее сочувствіе, съ какимъ отнеслись варшавскія женщины къ ретроградной публичной лекціи по женскому вопросу Александры Марчевской, читанной ею въ 1870 году. Лекція эта, изданная брошюрой подъ заглавиемъ „Kobieta kobieta“, пользуется большой популярностью у польскихъ матронъ.

щеніи съ женой и хозяйкой своего дома. Такъ искусственны и лицемѣры отношенія польского общества въ самомъ семействѣ! При этомъ семья охраняется отъ всякихъ вольнодумныхъ влияній съ китайскою бдительностью. Семейные связи сильно поддерживаются даже съездами и *paradami familijnem* (т. е. совѣтами лицъ, принадлежащихъ къ одному роду); но тѣмъ не менѣе въ отношеніяхъ этихъ, какъ мы уже сказали, много искусственного. Почтеніе къ старшимъ доведено до раболѣпства, семейная привязанности проникнуты приторностю; нѣжничанье съ старшими родственниками носить на себѣ характеръ своеобразнаго кокетства, хотя въ сфере материальныхъ расчетовъ они далеко не такъ сантиментальны. Фамиліи (роды) контролируютъ семейства, въ особенности по отношенію къ аристократическому достоинству рода; это-то достоинство составляетъ какъ бы религіозный кульпъ фамиліи.

Путешественника по Юго-Западному краю поражаютъ не только величественные костелы и остатки древнихъ замковъ, но вообще обиліе великолѣпныхъ панскихъ домовъ и садовъ. Кому неизвѣстна Александрія въ Бѣлой Церкви, а еще болѣе Уманскій садъ — Софіевка; его даже воспѣлъ Трембецкий, жившій у Феликса Потоцкаго, устроившаго этотъ садъ въ честь жены своей Софіи, купленной на базарѣ невольницъ въ Константинополѣ и славившейся своею красотою и развратомъ. Подобные сады можно было устраивать только при варварскомъ крѣпостномъ правѣ. Тамъ положены скала на скалу; работа была египетская. Красота этого сада куплена дорогою цѣною: пустынное мѣсто, безъ участія механическихъ силъ, великолѣпно устроено; насыпаны горы, вырыты громадные пруды, устроены поражающіе гроты, — все это руками крѣпостныхъ. Не менѣе грандіозенъ палацъ Миншекъ въ Вишневцѣ и паркъ при немъ; это — бывшій пріютъ Димитрія Самозванца. Палацы въ Пулавахъ, Краснополѣ, Червоной и во многихъ другихъ мѣстахъ стоили много.

Мы это приводимъ только какъ примѣры. Можно бы составить огромный списокъ великолѣпныхъ костеловъ, домовъ и садовъ. Эти грандіозныя сооруженія свидѣтельствуютъ о безмѣрной роскоши пановъ и объ угнетеніи народа, что въ 50-хъ годахъ вызвало обличеніе даже въ польской литературѣ, особенно у Крашевскаго въ повѣсти „Волынське Вечоры“.

Вообще обѣ обстановкѣ паны очень заботились. Не только домъ и меблировка, но экипажи, лошади, сбруя, цѣлый штатъ прислуги въ „либеріяхъ“ (ливреяхъ) quasi-козацкихъ, краковскихъ, англійскихъ и французскихъ, все должно производить эффектъ. Обѣ обученіи поваровъ прилагались особенныя старанія.

Погреба съ старыми винами и „вудками“, роскошные обѣды и остроумныя

„печенярже“ (блудолизы) далеко гремѣли, и этой славы стремился добиться каждый панъ.

Здѣсь кстати сказать о „печеняржахъ“. Классъ этотъ въ западныхъ губерніяхъ до крестьянской реформы былъ весьма значителенъ. Онъ состоялъ большою частію изъ промотавшихъ помѣщиковъ. Остатками прежняго величія у нихъ были бричка, пара лошадей, кучеръ, трубка и кисеть. Съ этимъ имуществомъ „печеняржъ“ совершалъ путешествіе отъ пана къ пану. Паны, скучавшие отъ праздности, были всегда рады подобному посѣтителю. Онъ забавлялъ пана и его семейство анекдотами; надъ нимъ можно было острить вволю; при чёмъ онъ не обижался, разсказывалъ разныя свѣдѣнія, сплетни, происшествія на охотахъ, романтическія похожденія; однимъ словомъ, былъ ходячимонетою, какъ даже и называли ихъ. На нихъ же возлагали паны разнаго рода порученія, въ особенности щекотливыя, напримѣръ, „печеняржъ“ мириль или ссорилъ пановъ, на него же возлагали иногда ходатайство по дѣламъ, потому что „печенярже“ были въ сношеніяхъ и съ чиновниками, и съ ксендзами. „Печенярже“ старались угождать всякому, какъ первосортные Молчалины, поэтому они не стыдились украсть охотничью собаку у одного пана и подарить другому. Старушкамъ они рассказывали о процессіяхъ, о замѣчательной учености кармелитовъ бердичевскихъ, о разныхъ медицинскихъ и хозяйственныхъ секретахъ. Недаромъ ихъ называли „тотумфацками“ (т. е. фактотумами). Были даже такие „печенярже“, слава которыхъ гремѣла по всему краю.

Паны жили весьма открыто. На имянины, праздники стекались гости даже изъ далекихъ окрестностей, угощенія продолжались по нѣсколько дней. У значительныхъ пановъ были большія „капеліи“ (оркестры), разумѣется изъ крестьянъ. Однимъ словомъ, роскошь была неимовѣрная, и это весьма цѣнилось.

Вообще подобнаго рода образъ жизни считался какъ бы обязанностю благороднаго (*szlachetnie urodzonego*) человѣка, и требовалось кодексомъ „опиніи публичной“ (общественного мнѣнія). Бережливость и скромная жизнь порицались. Панъ зъ „антенатовъ“ (наследственный помѣщикъ) не могъ такъ жить, какъ могъ жить, по общему мнѣнію, только „доробковичъ“, „парвеніушъ“, т. е. высокочка, *parvus*.

Такой складъ жизни приводилъ къ тому, что паны разорялись, крестьяне были чрезмѣрно отягчены. А такъ какъ серьезнаго развитія и научныхъ знаній не требовалось, то люди, даже выучившіеся чему нибудь, забывали выученное, втягивались въ эту безодержательную жизнь, жизнь исполненную эффектовъ, праздности и разгула.

Даже хозяйствомъ панамъ некогда было заниматься, да оно ихъ и не занимало. Отсюда-то и произошелъ огромный классъ „офиціалистовъ“, пра-

вившихъ помѣщичьими хозяйствами. Изъ этого же вытекло то громадное значение евреевъ въ краѣ, которое не можетъ не поражать наблюдателя. Панъ безъ еврея не мыслимъ. „Арендаржъ“ (содержатель корчмы) былъ главнымъ лицомъ у пана. Паны ихъ иногда называли своими министрами.

Еврей все продавалъ и все покупалъ для пана. Паны всегда были въ рукахъ у евреевъ, потому что они занимали у нихъ деньги. Еврей льстить пану, разсказываетъ разныя сплетни и даже политическія новости; при чёмъ считается, что эти новости вѣрны, что евреи всезнающіе. Панъ думалъ, что еврей — его вѣрный слуга; а въ сущности, самъ былъ предметомъ его эксплуатациі. Сила еврейства развилась, благодаря расточительности и праздности пановъ и угнетенію крестьянъ.

Праздная жизнь, хотя и исполненная внѣшняго блеска, всетаки не могла удовлетворить пановъ. Историческія традиціи, политическій мистицизмъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и вліяніе значительной польской эмиграціі — поддерживали въ панствѣ политическую мечтательность, воздыханія о прошломъ, хотя въ сущности въ томъ прошломъ они далеко не такъ благоденствовали. Въ ихъ воображеніи прошедшее Польши представлялось только съ привлекательной стороны, какъ эпоха шляхетской свободы, потому что обстоятельного знанія исторіи не было. Это обстоятельство вело къ тому, что политическіе агитаторы находили сочувствіе и adeptовъ среди пановъ. Такъ было, наприм., въ 1830 году. До послѣдняго возстанія, политическіе идеалы повстанцовъ были исключительно аристократическими.

Возстаніе въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ и затѣи къ возстанію въ Галичинѣ въ 40-хъ годахъ, составляютъ исключение. Но непопулярность исключительныхъ мотивовъ этого движенія въ массѣ шляхты вообще, а въ шляхетской средѣ Юго-Западнаго края въ особенности, оправдываетъ наше положеніе. Даже политическая пропаганда эпохи, такъ называемой Конарчины (состоявшая изъ ловкихъ комбинацій, старо-шляхетскихъ теорій съ новомодными демократическими, далеко не пользовались предполагавшимся сочувствіемъ) считала въ своихъ рядахъ самое незначительное число прозелитовъ, не смотря на особенное возбужденіе политическихъ страстей въ это время. Не таково въ значительной долѣ было послѣднее повстаніе. Но прежде, чѣмъ мы скажемъ объ этомъ, коснемся зародыша демократического движенія, хотя поверхностнаго въ польскомъ обществѣ Юго-Западнаго края, а именно: балагульщины и козакофильства.

Главные догматы балагульства: цинизмъ и шутовство. Это былъ въ грубой, уродливой формѣ протестъ противъ аристократизма, французоманіи, свѣт-

скихъ приличий. Балагулы отличались оригинальностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простотою костюма, а подчасъ и неряшествомъ его; преимущественно носили одежду народную малорусскую съ пѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, иногда для своеобразного шику испачкавъ ее преизрядно; пренебрегали принятыми условіями жизни. Гарцеванье на коняхъ, скачки, необузданый кутежъ, даже пьянство въ кабакахъ съ крестьянами и панибратство съ ними *); развратъ, сквернословіе, а въ особенности цинические анекдоты, охоты съ попойками — вотъ содержаніе жизни балагуловъ. Изъ этого видно, что балагульство — порожденіе той же панской праздности и той же любви къ эффектамъ, только болѣе оригинальнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ появилась козакофильская литература, о возникновеніи которой мы ниже поговоримъ подробнѣе. Эта литература внесла въ балагульщину оттѣнокъ политической.

Балагульщина вызвала въ польскомъ обществѣ и литературѣ двоякое къ ней отношеніе. М. Чайковскій, въ повѣсти „Анна“, и г. Ржевускій, въ „Мѣшанинахъ Обычаѣвыхъ“ Яроша Бейлы, относились къ этому явленію съ беспощадною критикой; въ этомъ сошолся казакофиль съ аристократомъ **). Съ другой стороны — вліятельный казакофиль Ш... и представитель эмигрировавшей аристократіи, Адамъ Чорторыйскій относились сочувственно къ балагульщинѣ. Первый имѣлъ въ виду возрожденіе козаччины, но уже польско-католической, а второй видѣлъ въ балагулахъ орудіе для завѣтной своей мечты: возстановленія Речи-Посполитой. Онъ видѣлъ въ спартанскихъ привычкахъ балагуловъ средство, воспитывающее людей для инсурекціи.

Подъ вліяніемъ козакофильской литературы балагульство преобразилось; хотя разгуль и другія привычки оставались, но оно явилось уже менѣе циничнымъ и болѣе тенденціознымъ.

Въ такой формѣ козакофильство нашло подражателей въ болѣе интеллигентныхъ кружкахъ молодежи. Впослѣдствіи въ средѣ той же молодежи возникла, какъ протестъ противъ балагульства и шляхетскаго козакофильства, секта такъ называемыхъ *пурристовъ* ***) изъ лучшей интеллигентной молодежи. Догматы этого кружка: серьезная отношенія къ наукѣ, строгая нравственность, доходящая до цѣломудрія и философское направленіе. Существованіе этой секты было непродолжительное, но она всетаки произвела свое вліяніе.

Подъ вліяніемъ ея съ одной стороны, козакофильство превращается въ

*) Хотя съ своими крестьянами обращались хуже другихъ пановъ.

**) Антикритика на „Мѣшанины“, явившаяся въ брошюре Януарія Филипповича подъ заглавіемъ: „Помѣшане Яроша Бейлы“ хотя довольно ярѣ, но неправдива. Судить по ней правильно о балагульщинѣ нельзя.

***) Отъ латинскаго слова *puris* — чистый.

такъ называемую *хлопоманію*, а съ другой — въ литературѣ возникаетъ безпощадная критика на господствующіе нравы; таковы корреспонденціи г. Совинскаго въ „Віленскомъ Курьерѣ (Вѣстнікѣ)“ и его же сатиры *), сатиры и комедіи Ап. Корженевскаго.

Хлопоманія отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческо-панскія традиціи хлопоманы смѣшивали и называли „мошродзѣйствомъ“. Хлопоманы сознавали историческія неправды Польши по отношенію къ Украинѣ, они сознавали, что народъ не „быдло“, что нужно уважать его личность, заботиться объ его образованіи на его языке (но алфавитъ долженъ быть принять польскій) **). Они сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. За выдѣленіемъ изъ нея самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ общерусскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движениемъ.

Не только хлопоманская молодежь польская, но даже вообще молодые агитаторы послѣдняго польского возстанія не пользовались симпатіею аристократического общества.

Одновременно съ возникновеніемъ польской *хлопоманіи*, явилось русское *украинофильство*. Часто тѣхъ и другихъ смѣшивали въ понятіяхъ, такъ какъ тѣ и другіе носили малорусскій костюмъ. Но между ними была громадная разница. Русскіе украинофилы не были сепаратистами: любя свою народность, они не думали объ отторженіи отъ Россіи; они сознавали необходимость связи; всѣ ихъ мечты ограничивались стремленіемъ къ развитію малорусской литературы и изданиемъ для народа популярныхъ книгъ на малорусскомъ языке, съ цѣллю успѣшнѣйшаго распространенія знаній въ народѣ ***).

*) Онъ же — замѣчательный переводчикъ поэмы Шевченки «Гайдамаки». Но тотъ же г. Совинскій вскорѣ отрекся отъ подобнаго направленія и перешолъ всецѣло въ лагерь шляхты, при чёмъ даже явился завзятымъ противникомъ и крайне пристрастнымъ обвинителемъ хлопомановъ.

**) Впрочемъ, незначительное меньшинство допускало даже употребленіе русскаго алфавита. Изъ-за этого бывали ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначали уже собою двѣ противоположныя его группы: *болѣе* и *менѣе* искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться вскорѣ въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства; этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шума, но ни къ чему не привелъ, маленький кружокъ выдѣлившихъ украинофиловъ вскорѣ сталъ рѣдѣть и, рѣшившись примкнуть къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ, католика.

***) Но съ русскимъ украинофильствомъ не слѣдуетъ смѣшивать русское же козакофильство, которое находило себѣ немногихъ послѣдователей большую частію въ средѣ малорусскихъ аристократовъ. Это послѣднее не долго, впрочемъ, просуществовало и вскорѣ погибло безвозвратно.

Польські хлопоманы мечтали о соединеніи Україны съ Польшой, не ограничивая своихъ претензій Днѣпромъ, какъ этого хотѣла аристократія, выразившая свои желанія въ извѣстномъ адресѣ подольскихъ дворянъ. Украинофилы и польские хлопоманы относились другъ къ другу враждебно. Украинофилы раздѣляли чувства народа по отношенію къ Польшѣ, и ихъ не могли привлечь обѣщанія польской молодежи—обеспечить, по присоединеніи Україны къ Польшѣ, свободу православія и малорусскаго языка. Украинофиловъ эти предложенія оскорбляли. Имъ казалось дикимъ, что горсть поляковъ, представляющая собою привилегированный классъ, позволяетъ себѣ распоряжаться судбою края, населенного русскимъ народомъ. Затѣмъ украинофилы, воспитанные на русской литературѣ, обязанные ей своимъ развитиемъ, не могли раздѣлять воззрѣній польской молодежи на эту литературу. Вслѣдствіе этого взаимное раздраженіе доходило до крайности. Въ Кіевскомъ университѣтѣ, послѣ манифестаціи, произведенной польской молодежью въ стѣнахъ университета, малороссы и русскіе подали протестъ попечителю и составили даже корпорацію для огражденія университета отъ господства польскихъ политическихъ тенденцій. Это былъ первый протестъ въ видѣ адреса противъ польскихъ притязаній.

Повстаніе, произведенное въ здѣшнемъ краѣ молодежью, далеко было не симпатично для значительной части здѣшняго польского общества. Демократизмъ повстанцевъ отталкивалъ симпатіи къ восстанію. Замѣчательно, что въ Подольской губерніи, гдѣ наиболѣе силенъ и богатъ классъ помѣщиківъ, повстаніе было въ крайне ограниченномъ размѣрѣ и революціонный комитетъ Подольскій протестовалъ противъ повстанія. Хотя Подольская губернія заявила себя извѣстнымъ адресомъ, но она наименѣе сочувствовала демократическимъ тенденціямъ. Вообще было бы несправедливостію приписать сочувствіе къ повстанью всему здѣшнему обществу, но это повстанье, какъ мы увидимъ, повело къ важнымъ результатамъ. Послѣдствія его положили начало пересозданію польского общества.

Что касается мелкой или такъ называемой „ходачковой“ шляхты, то, какъ мы уже выше замѣтили, она мало разнится отъ малорусскаго крестьянскаго населенія. Ихъ выдѣляетъ только шляхетская амбиція и нѣкоторая особенно любимыя ими обиходныя польскія слова, каковы напр. *racierz, dalibog, piec, cérka, jegoms'c*, и проч. Чтобы дать понятіе обѣ этой амбиціи приведемъ разсказъ одного извѣстнаго наблюдателя мѣстныхъ нравовъ:

„Въ одномъ селѣ часть населенія составляла шляхта, а другую населяли крестьяне. Крестьяне, какъ известно, зажиточнѣе шляхты, и шляхтичи занимаются работать у крестьянъ. Замѣчательно, что, несмотря на свою

бѣдность, они нѣсколькими копѣйками брали дешевле съ того крестьянина, который называлъ шляхтича јегомоѣ и waspan *).“

Въ костюмѣ этой шляхты замѣчается стремленіе выдѣлиться изъ народа. Такъ, у нея праздничные шаровары не холщевые, а крашеные, т. е. изъ какой нибудь купленной крашеннай матеріи, *камизельки* (родъ жилетокъ), *спеницеры* (родъ куртки), картузы, долгополыя свиты безъ кобеняка, а шейный платокъ довершаетъ ихъ костюмъ. У женщинъ бываютъ чепчики, кацевайки (родъ бурнуса).

Политическій индиферентизмъ этой шляхты характеризуется слѣдующимъ происшествіемъ: одинъ изъ предводителей волынскаго отряда инсургентовъ въ 1830 году прибылъ въ село С... населенное въ большомъ количествѣ шляхтой. Шляхта эта взобралась на крыши и скирды отъ испуга. Предводитель обратился къ ней съ рѣчью, приглашая къ повстанію; въ это время одинъ шляхтич случайно свалился на землю. Оправившись, онъ сталъ кланяться предводителю и почесываясь заговорилъ такъ: „ясновельможный пане, мы не можемъ ити у повстане, бо пірадились іхати до Радивилова зъ вовно.... Та и не тяшимо обходитьсь зъ палашами. Якъ ласка паньска, проше нась не турбоваць **)“. Съ сосѣднихъ крышъ и скирдъ раздалась также единогласная просьба шляхты, и предводитель долженъ былъ уѣхать изъ села, никого не убѣдивши изъ этой шляхты.

Что касается до офиціалистовъ, то они стараются во всемъ подражать панамъ. Мало образованные, а многіе изъ нихъ едва грамотные, они во всемъ должны являться подражателями; они—ультра-католики, хотя нѣть у нихъ знанія католицизма. Политику очень любятъ и отличаются крайне дикими сужденіями о ней. Мужиковъ, кажется, презираютъ болѣе даже, чѣмъ паны. Всему виной, конечно, ихъ круглое невѣжество.

*) У пановъ—waspan—говорить значительный панъ къ низшему себя, и у шляхты этотъ эпитетъ употребляется между равными, или по отношенію къ высшему себя въ шляхетской іерархіи.

**) Шляхтич съ панами обыкновенно говорить на ломапномъ польско-украинскомъ жаргонѣ, въ родѣ приведенного.